

Безбашенный

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Б39

Серия «Попаданец»
Выпуск 63

Оформление обложки *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Безбашенный

Б39 Не римская Испания: Арбалетчики князя Всеслава: роман / Безбашенный. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 480 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-115380-9

Из октября 2012 года в окрестностях испанского Кадиса шесть наших современников — пять российских отпускников и один местный испанский полицейский — попадают в древнюю Испанию вскоре после окончания Второй Пунической войны, уже не карфагенскую, но ещё не вполне римскую. Попали с пляжа, так что оснащены весьма небогато. Но героическая гибель в неблагоприятной обстановке в их планы не входит, и они приспособиваются к новой жизни как могут... Они — не супермены и не рыцари без страха и упрёка, а обыкновенные среднестатистические раздолбай. Ну, почти среднестатистические...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-115380-9

© Безбашенный, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Текст данной книги не приобрёл бы своего нынешнего вида, если бы не помощь, оказанная многочисленными комментаторами на «Самиздате», которым я благодарен. Не только обычные критики, но даже и явные тролли внесли полезный вклад, заставив отточить аргументацию и указать на логически слабые места. В особенности я благодарен профессиональному историку Максиму Владимировичу Нечитайлову, который прояснил мне множество исторических тонкостей и подсказал немало дельных книг своих коллег. Те исторические неточности, которые остались в моём тексте — это ни в коем случае не его упущения, а исключительно моё упрямство. Я также благодарен и художнику Сергею Курганову.

Если что-то осталось неучтённым — это, опять же, на моей совести.

1. Попадание

— Нет, это все, млять, долбаный коллайдер! — упрямо твердил Серега, и я махнул рукой, оставив бесплодные попытки переубедить его. Надо оно мне, если разобраться непредвзято? Версия как версия, не лучше других, но и не хуже. И хотя я ее не разделяю, доказать ему как дважды два его неправоту не могу, да и не особо-то хочу. Он свободный человек и имеет право на собственное мнение, пускай даже и ошибочное на мой взгляд. И пока его неправота мне ничем не вредит, я ничего против нее не имею. Не сношает меня ни разу вопрос «кто виноват», гораздо важнее второй извечный вопрос — «что делать». Вся закавыка в том, что ответить на него можно, лишь разобравшись в третьем вопросе — «что за хрень». Этим мы и пытаемся заняться.

Мы — это Максим Канатов, то бишь я, Серега Игнатьев, мой упрямый оппонент, и Юлька Сосновская, его подружка. Все трое, как несложно догадаться, «руссо туристо». Четвертый — Хулио Васкес, местный полицейский, приставший к нам как банный лист из-за нашего «облико морале». Собственно, пристал-то он к Сереге, на которого все же настучали соседи-фрицы. Настучали не на то, что слушал музыку на полную громкость в час ночи, а на то, что фашистами их обозвал. Они тогда возмутились шумом, указав ему на часы, а он заявил им в ответ, что они,

фашисты проклятые, вообще в четыре часа ночи на нас напали, и нехрен теперь после этого выступать. Мы с Юлькой евонной чуть со смеху тогда не упали. Утром, правда, подумав, посоветовали ему извиниться, но куда там — это ж Серега! У фрицев, по его мнению, такой комплекс вины за ту войну образовался, что ткни их в него — и твори что левой ногой захотелось, хрен пикнут. Они и не пикнули, они просто настучали, в результате чего нам пришлось познакомиться с представителем испанских правоохранительных органов.

Вот и сейчас этот испанский мент снова норовит вернуться к исполнению служебных обязанностей:

— Сеньор Игнатифф! Зашем ви... эээ... ударить сеньор Шварцкопф? — Васкес, конечно, не великий знаток русского языка, но говорит понятно — видимо, давненько уже его ведомству приходится иметь дело с «руссо туристо».

— Слушай, ты, сеньор Хренио Васькин, шел бы ты на хрен! — с максимально вежливой и беззлобной интонацией послал его Серега. — Ведь задолбал ты меня уже в натуре! Русским же языком тебе разжевал, что нехрен этому фрицу было на меня стучать!

— Стучать? Он вас не стучать! — похоже, учат испанских ментов литературному языку, и в нашем разговорном сленге они явно плавают. — Это вы его стучать... эээ... по лицу!

— Он настучал на меня вам, а я за это настучал ему по морде лица, — разжевал ему набравшийся терпения Серега. — Стукачей у нас не любят и всегда бьют им морду.

Юлька прыскает в кулачок как от Серегиной логики, так и от усилий испанца понять, что ему втолковывают. Легкомысленной бабе это простительно, но Серега ведь, как всегда, под мухой, и если заведется, запросто может глупостей наделать, и надо это как-то прекращать...

— Сеньор Васкес! Мы не в том положении, чтобы спорить о пустяках! — для доходчивости я обвел рукой окружающую нас картину маслом, от которой оба спорщика как-то отвлеклись. А картина ведь в высшей степени сюр-

реалистическая. Куда-то исчез усеянный пластиковыми топчанами белый песчаный пляж, а вместо него нарисовался поросший кустарником каменистый обрыв, за которым, как мне что-то подсказывает, бесполезно искать наш отель-троечку. Складывается впечатление, что зашвырнуло нас как-то резко, но незаметно, в какую-то другую местность. Причем у всех складывается, не у одного только меня. Ладно Серега, он под хорошим градусом, ладно Юлька, которая тоже слегка того, но я-то сегодня не более пары стаканчиков легкого вина употребил, которое давно уж из меня выветрилось! Да и мент наш, который сеньор, он ведь вообще при исполнении, и на раздолбая вроде наших он как-то не похож! А посему версию всеобщего глюка отмечаем как несерьезную и рассматриваем версию спонтанной телепортации куда-то «туда, не знаю куда». Но вот куда именно — хрен его знает. И сотовые ни у кого не работают — это выяснили первым делом.

— Говорю же, все коллайдер долбаный! — снова нудит Серега. — Перестрелял бы этих долбанных яйцеголовых!

Все, зациклился парень, и конструктива от него в таком состоянии ждать бессмысленно. Юлька тем временем сгребла свои тоже не вполне трезвые мысли в кучку и выдала вдруг гениальнейшую для своего состояния идею:

— Макс, звездани его по другой скуле!

— А смысл? Разобрались же!

— А чтоб снова тряхануло!

— Ну, если ради этого — давай! — соглашается Серега и дурашливо подставляет мне другую скулу, после чего мы оба хохочем.

— Не, мужики, ну я серьезно! Тогда ж получилось!

Тут расхохотался и испанец, до которого тоже наконец-то дошло.

Дело тут вот в чем. Пока нагрузившийся в хлам Серега дрых в номере без задних ног, Юлька заскучала и решила, что с тем же успехом может получить свое и от меня. Она такая, без тормозов. Я вообще-то собирался на пляж и никаких подобного рода интрижек не планировал, но...

Незадолго до отпуска у меня вышла размолвка с моей основной подружкой, а у запасных отпуск не совпадал с моим. В результате я поехал отдыхать в гордом одиночестве, а пресловутые курортные романы на практике куда трудноосуществимее, чем в теории — если, конечно, вас не устраивают молодящиеся старушки с комплекцией средних размеров гиппопотама. Меня такие однозначно не устраивают, а Юлька, хоть и не вполне в моем вкусе, не суперкрасавица, но вполне себе сексапильна. Особенно, если учесть, что после нескольких дней жестокого сухостоя я был уже морально готов снять профессионалку, которых тут хватает. И тут вдруг такая же нарисовалась, ничем их не хуже, да еще и бесплатно готова дать, потому как ей и самой хочется не меньше моего, и прелюдий никаких кургуазных ей от меня не надо, а надо сразу в койку. В общем, мои планы как-то сами собой поменялись, и жалеть мне об этом не пришлось. Тем более что опосля постельного мероприятия ничто уже не мешало мне вернуться к первоначальному замыслу искупаться и позагорать всласть. А для чего еще, спрашивается, переться в средиземноморские страны, схлопотав очередной отпуск осенью вместо лета? Вся беда в том, что Юльке засвербело в одном месте тоже искупаться и позагорать со мной за компанию. Забугорные пляжи, в отличие от наших, телесами отдыхающих не переполнены, а эта стерва в натуре без тормозов и купаться, как и загорать, предпочитает нагишом. И ладно бы просто нудизмом занималась, так она ж еще и не только нудизмом, оторва эдакая...

Именно такую картину маслом и застал проснувшийся наконец и разыскивающий ее Серега. Поскольку за действительно предосудительным занятием он нас не застукал, а на пляже мы ничем предосудительным не занимались, полученный от него фингал под глаз я посчитал несправедливым и оплатил ему той же монетой. И надо ж было случиться, что как раз в этот момент и тряхануло! Не сильно, для сейсмически активного Средиземноморья дело обычное, но для нас, жителей Русской равнины, несколько

чрезмерно. На это мы и списали охвативший нас мандраж и специфические неприятные ощущения, а поскольку у нас оставался еще нерешенный вопрос — Серега пер дуром, я отмахивался, Юлька пыталась нас разнять, а тут еще и по горячим Серегиным следам на наши головы свалился испанский мент Васькин, который сеньор Хренио — в общем, сиюминутных заморочек нам хватило за глаза, и изменившуюся после пустяковенького землетрясенияца окружающую обстановку мы заметили далеко не сразу...

Море, собственно говоря, никуда не исчезло — вон оно, плещется в двух шагах. А вот широченный курортный пляж, явно окультуренный, испарился начисто — тот десяток шагов песчаной полосы, изобиловавшей камнями и усеянной выброшенными прибоем водорослями, ну никак не тянул на его остатки. От края «дикого» пляжика поднимался довольно круто каменистый склон, поросший травой и кустарником, и эта растительность даже отдаленно не походила на декоративные зеленые насаждения нашего курорта. Но главное — так было повсюду. Насколько мог охватить глаз — мой, по крайней мере, а я на зрение не жалею — вокруг не просматривалось ни единого признака присутствия людей! Естественно, не считая нашей компании.

Компания у меня, надо заметить, подобралась достаточно свежая. Васькина этого, который Хулио, я вообще наблюдал второй раз в жизни и без особого восторга. Не то чтобы я что-то имел против него лично, парень как парень, но профессия... Не зря ведь у нас говорят «хороший мент — мертвый мент». Да и с этой парочкой соотечественников познакомился уже тут, на курорте. Я ведь чего Косту дэ ла Луз выбрал? Не очень-то фешенебельный это курорт — ну, по сравнению с более известными, и шумные тусовщики его не любят. Прибой им здесь, видите ли, силен да вода холодна! Ну да, прибой океанский, а вода — ну, смотря для кого. Открыть купальный сезон в Подмоскovie в середине апреля для меня ни разу не проблема, если вода жидкая, берег сухой и солнце не ныкается за проклятыми тучами. Так что для меня эта вода — что

доктор прописал, а если большинство народу изнежено и даже этой океанской воды боится — так и скатертью им дорога. В результате имеем отличные здоровенные пляжи с минимумом размещенных на них человекообразных, что мне, собственно, и требовалось для полноценного отдыха. Меньше народа — больше кислорода. Ведь как вспомнишь эти пляжи отечественных курортов, усеянные дражайшими соотечественниками так, что и ступить-то надо место выбирать — это же ужас! Ага, долгожданный летний отпуск называется! На хрен, на хрен!

Коррид там всяческих со всеми прочими карнавалами я не любитель. Собственно, меня и озеро в шести километрах от дома вполне устраивало, и пока удавалось получить отпуск летом, ни в какие загрантуры я не рвался. Но офонаревшее начальство в конце концов зашухерило мне эту привычную малину, отпустив меня в этот раз лишь осенью, так что за бугор я фактически сбежал от постылых осенних туч, дождей и грязи, на которые так щедра в этот сезон горячо любимая родина. Ну, а поскольку прямо посреди сией Косты дэ ла Луз расположен Кадис, который считается одним из древнейших городов Европы, в единственный непогожий день, выдавшийся таки среди теплых и солнечных, я решил поразнообразить свою культурную программу отдыха экскурсией в его исторический музей.

Сам музей меня, откровенно говоря, разочаровал. Точнее — его содержимое. Я-то по своей наивности надеялся увидеть в музее старейшего из городов грандиозную коллекцию «древнего и средневекового металлолома» — так выразилась о моих вкусах Юлька, увлеченно разглядывавшая финикийские и римские каменюки с черепками и бижутерией и заставлявшая делать то же самое откровенно скучавшего Серегу. Как раз с обмена мнениями об экспонатах и началось мое знакомство с этой парочкой. Увлеченная каменюками и побрякушками деваха, продолжая обниматься со своим спутником, зачем-то вздумала одновременно строить глазки и мне, сразу же напомнив повадки сексуально озабоченных студенток московского педин-

ститута. Мне стоило немалого труда сдерживать смех, когда выяснилось, что она как раз оттуда и оказалась — исторический факультет, специализация на античности. Серега же, геолог по образованию, реально трудился среди офисного планктона какой-то жутко крутой московской фирмы, даже отдаленно не связанной с его специальностью. Если я увлекался историей в порядке хобби, то Серега все больше в качестве любителя художественной исторической и альтернативно-исторической литературы, так что оба мы обманулись одинаково, не найдя на витринах музея ни иберийских фалькат, ни римских гладиусов, не говоря уж об их испанских прототипах, ни даже знаменитых толедских шпаг гораздо более поздних времен...

— Так где мы все-таки? — спросила Юлька, еще раз окинув взглядом радикально изменившийся ландшафт после очередной бесплодной попытки добиться хоть какого толку от своего навороченного сотового телефона.

— А хрен его знает, — честно ответил ей Серега.

— Каррамба! Это есть... эээ... чьерт побирай, — перевел нам свое проклятие испанец — неточно, как я понимаю, но достаточно близко по смыслу. Сам же я прокомментировал ситуевину коротким русским словом, буквально означающим шлюху, но в данном случае — досадную оплошность. Для нашего Хренио, который Васькин, успевшего уже за последние годы достаточно плотно пообщаться с «руссо туристо», переводить его не понадобилось.

Неизвестно, сколько бы мы еще разбирались с вопросом «что за хрень», если бы нам неожиданно не помогли. Слева, если повернуться лицом к морю, раздались какие-то неразборчивые за дальностью крики, но явно человеческие, и мы здраво рассудили, что с помощью туземцев мы решим проблему всяко скорее, чем собственными силами. Даже если они вдруг окажутся местной непутевой шпаной — нас ведь трое здоровых мужиков, один из которых вдобавок мент при исполнении. Переглянувшись и обменявшись кивками, мы похватили свои немногочисленные шмотки и всей компанией устремились в сторону

многообещающих звуков. Но когда перевалили через отделяющую нас от цели каменистую гряду, увиденное нас озадачило. Судя по буйному поведению, мы действительно нарвались на шпану, но весьма экзотическую...

— Ой как здорово! Киношники! — радостно завизжала Юлька.

— Не, исторические реконструкторы, — поправил ее Серега, и, на мой взгляд, он был явно ближе к истине. Если это киносьемки, то где оператор с камерой?

По сравнению с этими реконструкторами не в пример сюрреалистичнее выглядел их противник — в плавках, сдвинутой на лоб подводной маске с трубкой и с туристической лопаткой в руке, которой он как раз в этот момент отбивал в сторону брошенный в него камень. Сделал он это так ловко, что мы и в самом деле приняли бы их занятия за тренировку реконструкторов, но тут стоящая за его спиной эффектная блондинка в ярко-красном бикини, завидев нас, вдруг завизжала на чистейшем русском языке:

— Помогите!

Тут и хулиганистые реконструкторы обратили на нас внимание. Пока один из них с маленьким щитом и длинным кривым тесаком, здорово напоминающим большой непальский кукри, направился в сторону ловкого ныряльщика с лопатой, двое других обернулись в нашу сторону и принялись раскручивать пращи. Не понявший юмора Васкес прокричал им что-то по-испански, но ни грозный окрик, ни продемонстрированный им резиновый полицейский «демократизатор» впечатления на хулиганов не произвели. Обкуренные они, что ли? Вообще-то обычно исторические реконструкторы — ребята серьезные и подобной хреню не страдают, но мало ли...

От первого просвистевшего камня я удачно уклонился, но воздушная волна от него взъерошила мне волосы на башке. Второй камень с сочным шлепком приголубил Серегу по мясистой ляжке, отчего тот с воплем согнулся, а мент Хренио заорал что-то возмущенное и снова угрожающе затряс «демократизатором».

— Васькин, засунь свой фаллоимитатор себе в задницу! — рявкнул я ему. — Пушку доставай!

— Пьюшка? — озадаченно переспросил этот нерусский тормоз.

— Пистолет, дурья башка! — разжевал я ему.

Пока мент тормозил, новый камень первого пращника задел ему по касательной плечо, а второй заставил меня снова отшатнуться, воспрепятствовав моей попытке подобрать с земли увесистую корягу. Но тут наконец-то рассерженный сопротивлением представителю власти полицейский достал-таки из кобуры свое табельное оружие и принялся трясти уже им.

— Стреляй, кретин! — я уже понял, что половинчатые меры этих отморозков не остановят. Но этот долбаный законник явно решил скрупулезно выполнять все пункты идиотской служебной инструкции.

— Ты идиот или где? — Очередной камень, едва не впечатавшийся ему в лобешню, оказался весомее моих слов, и Васкес наконец-то шмальнул. Ага, в воздух! Впрочем, грохот выстрела все же слегка встревожил хулиганов — хотя, как мне показалось, скорее озадачил, чем напугал. Но тут взвизгнула Юлька, увидев кровь на ноге у Сереги, и эти реконструкторы-отморозки заметили наконец сексапильную брюнетку — кстати, так и не соизволившую толком одеться. Оба, проорав чего-то, ломанулись к ней, явно не воспринимая всерьез преграду из нас, троих мужиков, а когда мы обиделись на такое пренебрежение и заступили им дорогу, один из них выхватил из чехла кривой тесак, похожий на оружие их третьего товарища со щитом. И даже теперь тормознутый испанский мент, уже наведя пушку атакующему в лобешню, все еще пытался урезонить его окриком. Ну не дебил ли? Ведь срубит же его сейчас этот обкуренный — и звиздец тогда нам всем! Мы-то ведь безоружны! Я уже распластался в прыжке за присмотренной ранее корягой — не бог весть что против стального клинка, но на безрыбье ведь и сам раком станешь, — когда Хренио наконец перебздел и выключил тупильник. Пистолет снова грохнул,

и пуля вошла точно в переносицу психу с тесаком, уложив того наповал. Второй, ошарашенный, промедлил пару мгновений, за которые я успел завладеть корягой. К счастью, у этого вместо массивного тесака оказался просто длинный нож, для которого моя дубина оказалась слишком крепкой, что и спасло мне жизнь, пока Васкес боролся со своим профессиональным законопослушанием. Но когда его резиновый «демократизатор» под ударом ножа укоротился вдвое, а противник, отскочив к убитому подельнику, подхватил уже ненужный мертвому тесак, дурной мент уложил наконец третьим выстрелом и его.

Их третий подельник тем временем, парировав щитом удар туристической лопаты, схлопотал от ее обладателя ногой по причинному месту, что и позволило нашему естественному союзнику продержаться до нашего подхода. Все-таки отморозок владел своим тесаком мастерски и даже в скорченном от острой боли состоянии оставался весьма опасным. Подбегая, мы убедились в этом, когда последний хулиган, вопя что-то на своей непонятной тарабарщине, резким выпадом едва не срубил противника, споткнувшегося и выронившего от неожиданности свою лопату. Мы катастрофически не успевали, и Васкес уже поднимал пистолет, намереваясь с толком потратить четвертый патрон, когда из обращенной к нам спины этого урода вдруг брызнула кровь и показалось острие гарпуна — блондинка за спиной своего парня, оказывается, успела зарядить не замеченное нами подводное ружье...

Теперь, когда можно было расслабиться, мы узнали наших товарищей по несчастью. Ими оказались Володя Смирнов и его подруга Наташка Галкина, тоже отдохавшие в нашем отеле. Мы не общались с ними очень уж тесно, поскольку русский за бугор обычно выезжает отдохнуть от горячо любимой родины, а значит — и от дражайших соотечественников. Но сейчас ситуевина такова, что лучше держаться вместе.

— Это есть браконьерство, — машинально констатировал наш горе-полицейский, указывая на подводное ружье.

— Ага, оно самое, сеньор офицер! — покладисто согласился Володя. — Арестовывать меня за это будете? Я ни разу не против!

— Я, кстати, тоже, — прохрипел доковылявший до нас Серега. — Уж лучше в вашей кутузке погостить, чем тут с этими сдвинутыми на истории психами! — мы все дружно расхохотались.

А ведь смех-то хреновый, если разобраться непредвзято. Ведь в дополнение к этим непонятным обстоятельствам глобального, скажем так, плана у нас явно намечаются пусть и более пустяковые, но оттого ничуть не более приятные проблемы. Причем у всех. Это ведь не Россия, где менты, хоть и сволочи во многих случаях еще те, но все же свои сволочи, тоже все понимающие, и если ты не совсем уж уркаган и лично у них лично на тебя нет никакого зуба, то можно иногда разойтись с ними и полюбовно — ты им монету гонишь, сколько можешь, а у них закрываются глаза на некоторые твои шалости, если ты не слишком уж круто накуролесил. Но тут не Россия, тут Испания, хоть и разгильдяйская по сравнению с той же Германией или Англией, но все же Европа, и менты здесь — ага, не наши, а европейские. В основном честные, порядочные, но дотошные законники, ничего понимать не склонные, если ты хоть в чем-то не в ладах с буквой ихнего закона. И Хренио этот, хоть и молодец, и спас нас только что по большому счету, подготовка-то ведь у него и выучка тоже европейские, нашим ментам не чета, но наши менты после такой заварухи уж точно бы сейчас на все мелочи насрали и глаза на них закрыли, а вот как этот Хренио себя поведет — хрен его знает. Очень запросто может статься, что вот сейчас отсмеемся, отзубоскалим, и вспомнит он о букве закона, перед которым мы все виноваты.

На Сереге, например, рукоприкладство висит по отношению к тем фрицам, да еще и оскорбление, и хрен его даже знает, что хуже по последствиям. У этих европейцев, кстати говоря, принцип поглощения меньшей вины большей не работает, так что это два отдельных преступления,